

Владимир Яковлевич Бейлькин – починковский поэт, в самом расцвете сил ушедший из жизни при трагических обстоятельствах. Вот такая заметка вышла в газете «Труд» в 1973 году: «Троллейбус возвращался в парк. Немногочисленные пассажиры готовились к выходу, как вдруг раздался страшный удар, и машина стала, как вкопанная. Задняя часть салона была сплющена». Как впоследствии выяснилось, тяжелый грузовик «КрАЗ» зацепил опору моста, которая и рухнула на троллейбус. «В результате один человек погиб, трое ранены» – скупко замечает газета «Труд». Этим единственным погибшим и был наш земляк, талантливый молодой поэт Владимир Бейлькин.

В Починке его хорошо знали. Проживал он сначала на улице Ленина, затем – на Урицкого. Учился в первой средней школе – окончив ее, уехал в Ленинград, где поступил в архитектурный техникум. Был момент, когда из-за расстроившегося здоровья он вынужден был взять академический отпуск и вернуться в Починок – здесь он устраивается литсотрудником в редакцию газеты «Сельская Новь». Сотрудники газеты запомнили его вечно бодрым, энергичным, настойчивым. Вскоре стало известно, что Владимир пишет стихи – некоторые из них были высоко оценены заезжими смоленскими поэтами. Ему рекомендуют напечатать стихи в газете, однако поэт отказывается – он не доволен собственным стилем, постоянно возвращается к написанным стихам, шлифуя и оттачивая каждый слог. Особенно уважительно к начинающему автору отнесся Николай Рыленков – несколько раз Владимир ездил к нему в Смоленск. Поддержка известного поэта вселяет в него веру в собственные силы. Через год он возвращается в Ленинград, где его вскоре забирают в армию. Служит в Белоруссии, на Смоленщине, затем добровольно отправляется связистом на дальний Север. Впоследствии это время нашло отражение в его стихах:

В пяти верстах почти как на ладони
Лежало море Лаптевых, за ним –
Посёлок Диксон, а чуть-чуть поодаль –
Град Воркута, пленительный, как Рим!

По возвращении в Ленинград он пытается поступить на журналистский факультет Ленинградского университета, однако терпит неудачу – не удается пройти по конкурсу... Тем не менее Владимир не отчаивается. Он идет работать на завод, постигая профессию фрезеровщика, и прямо там, у станка, продолжает писать стихи, оттачивая свое мастерство. Также посещает молодежное литобъединение при газете «Смена», где и знакомится с Зоей своей будущей женой. Отношения были непростыми – родители Зои не желали видеть рядом с ней обычного рабочего с завода. Тем не менее их несколько успокаивает тот факт, что Владимир пишет стихи и собирается поступать в Литературный институт им. Горького. Ставят условие: если молодой человек поступит, то дадут родительское благословение на брак. Однако, успешно пройдя творческий конкурс, на вступительных экзаменах Владимир недобирает всего один балл. Тем не менее свадьба происходит – вопреки желанию родителей. На следующий год ему все же удается поступить в Литинститут на заочное отделение. Этому поспособствовали рекомендации от поэта Ярослава Смелякова и ленинградской писательницы Т.Г. Гнедич. Учеба ему дается легко, в различных периодических изданиях появляются его стихи. Владимир готовит сборник своих произведений, однако книге так и не суждено увидеть свет – сдав заключительные экзамены на четвертом курсе, молодой поэт возвращается в общежитие, и по дороге происходит трагедия. Вот что впоследствии вспоминал об этом дне однокурсник поэта В.Штубов:

"...30 мая 1973 года. Москва. Литературный институт. Сдав экзамены за четвертый курс, перейдя на пятый, последний, мы с ленинградским поэтом Владимиром Бейлькиным

на троллейбусной «тройке» от площади Пушкина отбыли в общежитие на улицу Добролюбова – так, чтобы, как следует отметив это событие, ехать (я – в Нелидово, он – в свой Ленинград) домой. Некая смутная мысль-предчувствие заставила меня выйти возле метро «Новослободское». Володя поехал дальше и ... через несколько минут попал под удар фермы железнодорожного моста, перекинутого через оживленную улицу в том месте, где Бутырский вал сливается с Дмитровским шоссе. Ферма обрушилась на троллейбус так, будто кулаком трахнули по картонной коробочке! Погиб один человек. Владимир Бейлькин. А сидели мы вместе... «И я бы мог»."

На могиле поэта в Санкт-Петербурге выбита эпитафия:

И как бы ни был мой конец ужасен.

Мне – реквием, а где-то грянет туш.

Мне не обидно: у меня в запасе

Три миллиарда здравствующих душ!

В 1975 году в альманахе «Поэзия» вышла подборка стихов В. Бейлькина. Во вступительной статье Евгений Храмов написал:

«Я не знал Владимира Бейлькина. И лишь теперь из его стихов, из рассказов о нем вдова поэта Зои Фальковой, передо мною проступает его облик. Умный, внимательный писатель мог бы написать повесть о жизни Владимира. В ней, в этой повести, не было напряженного, внешне захватывающего сюжета, но был бы захватывающий сюжет внутренний – история становления современного молодого человека, работы мысли, поисков себя.

В стихах Владимира Бейлькина как бы два слоя – простой бесхитростный рассказ о деревенском житье-бытье, выписанный с очень зримыми деталями и верным чувством меры, и стихи обобщающего характера, стихи-мысли, стихи-утверждение и проявление своего характера».

В том же году в журнале «Аврора» выходит несколько стихов Владимира, а во вступительной статье Вячеслав Кузнецов говорит:

«Владимир Бейлькин навсегда останется тридцатилетним, нелепый случай оборвал жизнь, но живы стихи, воплотившие всё лучшее, чем наполнилось сердце».

Владимир БЕЙЛЬКИН (1942-1973)

ТРИ МИЛЛИАРДА ЗДРАВСТВУЮЩИХ ДУШ

***

Я смерти не боюсь.

Нет, я боюсь её.

Я в точку превращусь,

В ничто, в небытиё.

А впрочем, чем я был

Полвечности, пока

Вдруг случай не слепил

Меня, как облака.

Ах, где бы я ни был,
Какую б жизнь ни вёл,
Ничуть я не тужил
И счёт векам не вёл.

И были раем чувств
Мгновенье и покой...
Так что же я боюсь
Полвечности другой?

***

Ах, в какой это день
Или может быть ночь
Обрели мы себя и сознание?
Как шерстинки слились
В золотое руно
Наши детские воспоминанья...
На столетья сумеем
Откладывать смерть,
Нарисуем эскиз
Мирозданья,
Но великий тот миг
Никому не узреть!
Навсегда
Он останется тайной!

ПАВЛОВ

«Павлов занят: Павлов умирает», –
Умирая, Павлов говорит.
На костре сознания догорает,
За кончиной собственной следит.

Словно он, как только совершится
Мысли и сознания распад,
К кафедре поспешно устремится
И студентам сделает доклад.

Сообщит, как жизнь его распалась,
Не сронив прозрачную слезу,
Как всё то, что называли «Павлов»,
Перешло на новую стезю.

...Ну а что придумаешь ты лучшего?
Может, впрямь бессмертен человек,
Если смерть и та ему – горячее
Для полёта мысли в голове.

На костре познания догорая,
Вглядываясь в смерти странный вид,
«Павлов занят: Павлов умирает», –
Умирая Павлов говорит.

***

В этом мире, где солнце
Плюс бесчисленность звёзд,
Как во тьме, мы споткнёмся,
Стоит выключить мозг.
И куда как возможно
Запутать, не дойти...
Так что, лампочка мозга,
Не сдавайся, свети!

***

Ведь надо ж этому случиться:
Взять и в один чудесный день
Родиться, как бы предъявиться
Своей единственной судьбе!
Удача первая – рождение –
О, стань праматерью удач!
Пусть жизнь не дарит в ослепление
Кому сухарь, кому калач...

ЗАКАТ

Свершается диво заката!
Какая услада душе!
Полнеба сверкает, как золото!..
И вот не сверкает уже...

И вот помрачнела природа,
И вот потемнела вода!..
Как будто бы умерло что-то,
Из жизни ушло навсегда.

И плачет душа у оконца:
Она принимает всерьёз,
Что солнце, лохматое солнце
В пылающий гроб улеглось.

Подавлена этой утратой,
Совсем позабыла душа:
Не умерло диво заката,
На запад ушло не спеша...

И так же волшебна, как наша,
Другая теперь сторона,
И солнце, как дружества чаша,
На всех и на все времена!

И вечно над ширью покатоЙ,
Как много столетий назад,
Над чумом, над саклей, над хатой
Горит, не сгорая, закат!

ПОЭЗИЯ

Нас смертью пугают – пиши не пиши –
И давят заботой о платье и пище –
Но вот при луне в полуночной тиши
Огромная шарит по небу ручища!

В одной из коробок угрюмых домов
Тебя, как простой карандашик в пенальце,
Отыщет и выведет несколько слов!..

И вновь разожмутся могучие пальцы!

ПОЭТЫ

Ты жарить истово котлеты,
А в голове звучат стихи...
Двоякодышащи поэты –
Аборигены двух стихий.

В воздушных вымышленных сферах,
В тугих слоях житейских вод
Поэт, как рыба протоптерус,
В себя вбирает кислород.

В сетях безденежья, наветов
Лишь он умеет жить и петь,
И потому лишь у поэтов
Две жизни отнимает смерть!

***

Когда поэту долго не поётся
И множится у ног бумажный сор,
Не приходите в гости к стихотворцу,
Он не поддержит умный разговор.

Не до друзей ему, не до семьи:
Он предрекает шумные события.
Не каждый день свершаются открытия,
Но каждый день работают НИИ.

***

Когда великого поэта
На Елисейские Поля
Уносит джинн небытия
Сидящий в чреве пистолета,
Какая мысль клокочет в нём?
О славе в будущем потомстве?
Или о чьём-то вероломстве?
Или: гори ты всё огнём?

К ВОПРОСУ О СМЕРТИ

А может быть, небытиё
Не что-то очень постное,
А просто чувство: всё моё,
Но только очень острое!

***

По парку цыганки гуляют,
За парок себя выдают.
А что, подойду, погадаю,
Разведаю участь свою!
...И жить мне ещё очень долго,

И в доме копиться добру...
Спасибо, спасибо, плутовка,
За древнюю эту игру!
За то, что больней и острее
Почувствовал времени ток,
Где каждый листочек на древе
Влиянье имеет на рок!

***

Как две женщины, любят меня
Жизнь и Смерть,
И друг к другу ревнуют,
И друг друга в коварстве винят,
И воют, воют, воют...
Жизнь морали читает мне,
Смерть разнеживает в постели,
И в нешуточной той войне
Я как будто бы не при деле.
Но люблю-то я всё ж одну,
Ту, что к делу меня толкает,
Только часто рукой махну
И безвольно к другой шагаю.
Смерть – хитрюга – мирком, ладком,
Зачарует и затуманит,
Только, чувствую, холодком,
Как из щели подвала, тянет.
И опять я к родной, к своей –
Понимаю: нельзя иначе!
Жизнь в тарелку навалит щей,
А вино для гостей припрячет.
Та манежит, потом предаст
И покажет такое жало!..
Эта в руки авоську даст,
Чтоб картошку принёс с базара...
Той бы времячко провести,
Та сама поднесёт стопарик!
Этой – чадушко принести:
Если к той убежишь, всё память!

***

Когда уйду в природу без остатка,
В круговращенье атомов вольюсь,
Не жаль мне стать в пробирочке осадком,
Травинками, что щиплет важный гусь.
Согласен быть и плесенью, пожалуй,
Медузой шарить по морскому дну,
Строительным готов я матерьялом
Пойти на плоть страдальцу-горбуну,
Но пусть убережёт меня природа
От участи пожертвовать свой прах
На сотворенье стройного уroda
С бездушием и тупостью в глазах.

***

Когда разлука обернётся прошлым
И ты ко мне приникнешь безобманно,
В наставшей тишине легко и просто
Ты станешь мной, а я тобою стану.

Есть, есть ещё Голгофы и распятия,
Но в молчаливо нежный этот миг
Я думаю, что более, чем братья,
Все, кто живёт, кто дышит, как и мы.

И как ни разноцветно оперенье,
Душа у всех, по-моему, одна.
Она даётся людям при рождение –
Безгрешна, бесконечна и вольна.

И все: кузнец, бухгалтер и полярник –
Все, кто живёт, и все, кто раньше жил,
Как бы тираж в миллиардах экземпляров
Единой человеческой души.

И как бы ни был мой конец ужасен,
Мне – реквием, а где-то грянет туш,
Мне не обидно: у меня в запасе
Три миллиарда здравствующих душ!

Я ФЕТА ЧИТАЮ...

ТЕЛЁНОК

Как я восторгался, счастливый ребёнок,
Когда поселялся тихоня телёнок
Под боком у печки, а сверху полати...
И я на полатах лежу, как в кровати.
Все спят, а я свешу свою головёнку
С высоких полатей, ладошку телёнку
Подсуну — он вежливо этак полижет,
Ударит копытцем и глубже задышит...
Мне странно и дивно, мне дивно и странно!
А ночь разверзалась, как даль океана!
И было просторно, и было пустынно!
Лишь я да телёнок! А печка остыла...
Но всё это в прошлом, всё было когда-то:
И тёплый телёнок, и печка, и хата.
Но всё это в сердце моём отстоялось,
Хватило на молодость, хватит на старость!
...Как трудно придётся потомку, коль станет
Поэтом: он хаты уже не застанет!
А я только вспомню о старенькой хате,
О кротком телёнке под кровлей полатей,
Как строчки рождаются, точно крольчата...
О Ноев ковчег — незабвенная хата!

* * *

На заречном лугу, как и встарь,
На заре объявился косарь.
Вот по коске, как бы языком,
Он прошёлся своим оселком.
Вот расставил ступни, как матрос,
По травинкам прошёлся мороз...
И, как Муромец древле татар,
Наземь валивать травушку стал.
Ах, как чисто покос он ведёт!
Новобранцев как будто стрижёт.
Каждый стебель он сводит на нет,
Аж рубаха сыра на спине!
Ах, на лоб его капли росы
Перебрались по древку косы!
...Есть косьбы нерушимый закон:
Если солнце висит высоко,

Этот труд благородный оставь,
Печником или плотником стань,
Огольцов и старушек лечи,
На костяшках в конторе стучи...
И по этой причине, как встарь,
Словно камушек, сгинул косарь,
Лишь по глади прохладной земли
Невысокие волны пошли...

ПОЛЯРНЫЕ БУДНИ

Как хорошо мне было в агрегатной
Дежурить по ночам у дизелей!
Я уши затыкал клочками ваты
И книжку брал потолще, поумень.
Когда шалила стрелка амперметра,
Я обороты плавно убавлял.
И ночь текла легко и незаметно,
Как по трубе солярка в дизеля.
Я знал, что высоко над дизелями,
По небу, как мальчишки по траве,
Полярное катается сиянье...
И так волшебным было в голове!
А где-нибудь в конце такой ночёвки,
Арктического снега наскребя,
Я обливал его струей сгущёнки
И угощал мороженым себя.
А в семь ноль-ноль, пушистый от мороза,
Стучался в дверь уверенно солдат,
А я сигал под иглистые звёзды,
Рожок привычно вставив в автомат.
Я шёл и слушал ветра завыванье,
Слегка сонлив и всё ж навеселе,
И улыбался шалостям сиянья
И еле слышной песне дизелей.
В пяти верстах, почти как на ладони,
Лежало море Лаптевых, за ним —
Посёлок Диксон, а чуть-чуть поодаль —
Град Воркута, пленительный, как Рим!

* * *

Когда железка и магнит
В объятия бросились друг другу,
Я востепенулся как с испугу:
Какая их связала нить?

И оглянулся я невольно
На мир у замерших дверей,
Хотя и знал, что это волны
Никем не видимых полей...

Листва мерцала, точно сито,
Но почему-то снова в дом
Меня тянуло как магнитом,
К Девчонке в платьице простом!

Я до сих пор её не понял!
Но все мне кажется: не зря
Мы целовались с нею в поле,
В магнитном поле пустыря!

* * *

Страницы листаю дрожащей рукою...
Я Фета читаю в метро под Москвою.
В гудящем составе под кожей планеты
Пульсирует дерзкое сердце поэта.
И ласточка чёркает воду крылом,
И пчёлы гудят над дурманным кустом,
И, как пассажиры, молчат небеса,
И звёзды мерцают, как чьи-то глаза.
И я не в метро, не в толкучке, не где-то,
А просто у ног Афанасия Фета.

* * *

Не привыкну к тому, что живу,
Как весной, когда сходят созвездья
С высоты на резную листву,
Сад становится белым медведем...

Не привыкну к тому, как Трезор
Отзывается лаем на имя,
Как влекущий к себе горизонт
От меня ускользает налимом.

Не привыкну к тому, как в жару
В ледяную прохладу прыгну...
Не привыкну к тому, что живу,
Как к тому, что умру, — не привыкну!